Студенческий научный электронный журнал
StudArctic Forum

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Т. 10, № 2. С. 100–106 **Филологические науки** **2025**

Научная статья
УДК 821.161.1

ХАРЕВА
Маргарита Ильинична

бакалавриат, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия),
margarita.khareva@yandex.ru

«ПОВЕСТЬ О МАТЕРИ И ДОЧЕРИ» Ф. АБРАМОВА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ Н. Ф. ФЕДОРОВА

Научный руководитель:
Агапитова Екатерина Константиновна
Рецензент:
Дьячкова Ирина Николаевна
Статья поступила: 29.05.2025;
Принята к публикации: 29.06.2025;
Размещена в сети: 29.06.2025.

Аннотация. К анализу образов главных героинь повестей Ф.А. Абрамова «Пелагея» и «Алька» обращались многие критики, но их трактовки во многом схожи. Новое прочтение открывается при обращении к философским идеям Н.Ф. Федорова, а также дневниковым и подготовительным записям к повестям Ф.А. Абрамова. Писатель в духе идей Н.Ф. Федорова создал образы Пелагеи и Альки, наделив их сильным характером и жаждой жизни, непримиримости к смерти. Исследование показало, что Ф.А. Абрамов через живые женские образы по-своему интерпретировал вечные проблемы: конфликт поколений, противостояние города и деревни.
Ключевые слова: Ф. А. Абрамов, Н. Ф. Федоров, родственность, патрофикация, Пелагея, Алька

Для цитирования: Харева М. И. «Повесть о матери и дочери» Ф. Абрамова в контексте философских идей Н. Ф. Федорова // StudArctic Forum. 2025. Т. 10, № 2. С. 100–106.

> — Как случилось, что большинство ваших героинь — русские женщины, что они во многих произведениях потеснили мужчин?
>
> — ...Я не буду сегодня говорить о той роли, которую сыграла русская женщина в истории, ведь и в прошлом Россия всей тягостью опиралась на женщину. Я верю, я надеюсь, что у нас появятся памятники, когда на пьедестал шагнет простая, всем знакомая русская женщина-мать.
>
> Ф.А. Абрамов

Уроженец Архангельской губернии, Федор Александрович Абрамов (1920–1983) всю свою писательскую жизнь воздвигал памятник русской крестьянке, одиноко выносившей все тяготы, горести и потери. Писателем были созданы яркие, самобытные женские образы: Василиса Милентьевна, Варвара Иняхина, Лизавета Пряслина, Анфиса Минина, исключением не стали Пелагея и Алька Амосовы.

Повести «Пелагея» и «Алька» Ф.А. Абрамова, выходившие в печати друг за другом, по точному определению Б.Д. Панкина можно назвать одной «повестью о матери и дочери»[1]. С таким определением критика нельзя не согласиться, поскольку при таком прочтении на первый план выходит один из основных конфликтов повестей — конфликт «отцов и детей», а вместе с ним и противостояние городской и деревенской жизни.

Эти повести находили много откликов в печати сразу после выхода в свет. По-разному критики, такие как Л. Антопольский [Антопольский: 247-257], И.П. Золотусский[2], Ю.М. Оклянский[3], О.Д. Трушин[4], а также братья по перу[5] и читатели[6] оценивали

произведения, трактовали образы героинь.

Так, например, Б.Д. Панкин характеризовал Пелагею как «мелочную, эгоистичную, завистливую и бессердечную»[7]; работящей, но «не из праведниц; вообще не из честных людей» называл ее И. Дедков [Дедков: 277]. Китайский исследователь Чэнь Синьюй отмечал, что драма Пелагеи в «огромных нереализованных возможностях» [Чэнь Синьюй: 125]. Некоторые другие ученые видели ее великой труженицей, однако отмечали, что семью она погубила сама.

Из всех критических оценок образа Пелагеи, пожалуй, выделяется видение героини Б.А. Рощиным — советским прозаиком, который в студенческие годы писал контрольную работу по одноименной повести Ф.А. Абрамова в Литературном институте им. А.М. Горького. Впоследствии он вспоминал, как его читательское восприятие образа героини не совпадало с оценками критиков, считавшими, что «Пелагея едва ли не напрасно прожила свою жизнь — без любви, без радости, приспосабливаясь и угодничая перед такими людьми, как малограмотный ревизор Петр Иванович. Что вся жизнь Пелагеи была подчинена накопительству, тряпкам, которые дочь ее Алька после материной смерти разбазарила за два дня. И в результате, мол, закономерный финал: всеми покинутая Пелагея умирает в пустом доме». Б.А. Рощин считал, что Пелагея — не «запрограммированный робот»[8], а живой человек, который вынес на своих плечах все тяготы крестьянской жизни.

Образ Альки был также популярен в критике, мы выделим лишь некоторые работы. Так, В. Переведенцев называет ее маргинальным героем, т. е. человеком, который «от села уже отстал, а к городу еще не пристал» [Переведенцев: 60]. А ее дочь Алька — это представитель молодежи 60-х гг. XX века, ищущий легкой, беззаботной жизни [Пономарева: 50-64], отрицающий ценности поколения родителей (напр., [Рубашкин]).

В данном исследовании, опираясь на философские идеи («Философия общего дела») Н.Ф. Федорова[9], дневниковые записи Ф.А. Абрамова, мы предложим иную трактовку образов героинь.

Имя Николая Федоровича Федорова знаменательно для культуры XIX – начала XX вв., его называли «московским Сократом», чьи идеи высоко ценили виднейшие мыслители XIX столетия — Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, В.С. Соловьев. Основная идея философии Федорова заключается в восстановлении родственности, установлении братственного отношения между людьми, воскрешении предков. Важным концептом в его философии является *патрофикация*, т. е. воскрешение предков. В ней выделяется два типа: первый — воскрешение человека в коллективной памяти или памяти отдельных людей, запечатление их в искусстве и литературе; второй (полный) «Фёдоров относит в будущее, когда возникнет возможность буквального воскрешения всех умерших» [Розова: 9].

Обратимся сначала к анализу образа Пелагеи. Один из самых важных эпизодов повести, на наш взгляд, — это отрывок, посвященный рассуждениям о прожитой Пелагеей жизни, когда она уже осталась одна: муж Павел умер, а дочка Алька сбежала в город за лучшей жизнью. Приведем этот эпизод полностью.

> «Она думала. Думала об этих злополучных жакетах, которые не могла достать три года, думала об отрезах и о тех, что висели на веревках, и о тех, которые были в сундуках. Думала о прожитой жизни. Господи! На что ушла ее жизнь?
>
> Жарилась, парилась у раскаленной печи, таскала ведрами из-за реки помои, выкармливала поросят, недосыпала, мужу отдыха не давала — и ради чего? А ради вот этих крепдешинов да ситцев, ради всего того, что нынче тряпками зовется… Да, да, тряпками. Зачем себя обманывать?
>
> Пелагея вдруг зло расплакалась. *А кто, кто виноват, что эти тряпки застили ей и жизнь, и мужа, и все на свете? Разве виновата она, что треть жизни своей голодала?*

(здесь и далее в цитатах курсив мой. — М. Х.)

В тридцать третьем году у кого померли отец и брат с голодухи? А во время войны? А после войны, когда на ее глазах исчах ее сын, ее первенец? *И был один во все эти годы товар, на который можно было достать кусок хлеба, — тряпки.* Потому что люди в те годы обносились донельзя.

Годами загребала, не могла остановиться. Потому что *думала: не ситец, не шелк в сундуки складывает, а саму жизнь.*» (Абрамов, 90)[10]

В этом эпизоде писатель не раз акцентирует внимание на том, что не сама Пелагея виновата в том, что лишилась мужа, родной дочери, о которых так заботилась. Тяжелое время выпало на ее долю. Родилась Пелагея в непростые 1920-е гг. в деревне, где способность трудиться ставилась выше внешних данных (красоты): «Раньше ведь первым делом не на рожу смотрели, а какова у тебя спина да каковы руки» (Абрамов, 67). Еще будучи ребенком, она лишилась (примерно в 11 лет) полноценной семьи: в голодном 1933 г. умерли отец с братом. Затем война разлучила молодую 19-летнюю девушку с мужем, оставив ее один на один со страхом потери, смерти; после войны зачах ее первенец.

За небольшой промежуток времени Пелагея дважды была лишена семейного счастья: сначала детского, разрушенного голодом (смертью близких людей), потом — женского и материнского, подорванного войной и тяжелыми послевоенными годами. Чувство родственности к миру, к людям, даже самым близким, терялось, потому что его безжалостно «крали» обстоятельства жизни.

В обоих случаях происходит разрыв родственности, заключающийся в потере Дома, только в детстве — это отец и брат, потом — муж (любимый человек) и ребенок. Дом, родители и любовь, по замечанию А.Е. Розовой [Розова: 21], — синонимы родственности.

Н.Ф. Федоров считал, что «душа человека не tabula rasa, не лист чистой бумаги, не мягкий воск, из которого можно сделать все, что угодно, а два изображения, две биографии, соединенные в один образ» (Федоров, 230). Философ точно отметил, что человек рождается с некоторым «заданным» набором характеристик. В Пелагею, родившуюся в простой крестьянской семье, будто заложена была родителями любовь к труду, потребность в неустанной деятельности, которую впоследствии она пронесла через всю жизнь. Ф.А. Абрамов, работая над созданием образа Пелагеи, писал: «так воспитана с детства, что не могла худо работать. Какая бы работа ни была. Да и запорют родители» [Крутикова-Абрамова: 185].

Однако нельзя также не указать и другое обстоятельство — влияние эпохи, в которую росла героиня. Читателю скупо известна судьба ее первой семьи, но можно предположить, что после смерти отца и брата вся ноша хозяйства легла на плечи матери — трудолюбивой крестьянки, по нужде ставшей главной кормилицей, что не могло не отложить неизгладимый отпечаток на героиню. В такое тяжелое время закалялся характер Пелагеи, становился прочнее и тверже.

Возвращение мужа с войны можно считать восстановлением семьи, а вместе с этим — любви, Дома, родственности. Но и здесь молодую семью постигает несчастье: в 1946 г. «на ее глазах исчах ее сын, ее первенец» (Абрамов, 90). Такие непростые обстоятельства повлияли на формирование характера героини: они ее закалили, сделали «железной», волевой женщиной, которой будто бы чужды слабости. Пелагея, с детских лет привыкшая всю ношу труда нести на себе, не могла по-другому даже в то время, когда не тряпками счастье мерилось. Время, война, голод, смерть родных — вот что лишало Пелагею счастья, вот что сделало ее непримиримым борцом за жизнь и семью.

Сам автор с трепетом относился к героине и ее непростой доле, об этом свидетельствуют записи из его дневников, например, от 10.10.1969 г.: «…как не понять, что

Пелагея — жертва, жертва, которую нельзя не пожалеть»[11]; «Пелагею упрекают: жизнь обкрадывает. Нет, не она жизнь, а *жизнь ее обокрала*» [Крутикова-Абрамова: 195] (из записей от 9 ноября 1978 г.).

Рождение Альки стало для «настрадавшейся» Пелагеи долгожданным счастьем материнства. Как заботливая и любящая мать, она старалась уберечь ее от всяческих невзгод и проблем, потому что за свою жизнь многое пережила, перетерпела — не хотела она подобной судьбы для любимой дочери.

Переходя к анализу образа Альки, вновь обратимся к Н.Ф. Федорову, считавшему, что «человек есть существо рожденное, а не непосредственно возникшее, он есть изображение и подобие отцовского и материнского организмов со всеми их недостатками и достоинствами. Хотя *иногда некоторые из родительских свойств будут проявляться в нем в преувеличенном, а другие в ослабленном виде*…» (Федоров, 230).

Будто прочитав труды Н.Ф. Федорова, Ф.А. Абрамов в точности с этими словами создает образ Альки. Дневниковые записи, а также записные книги подтверждают связь мыслей философа и писателя о нераздельной, продиктованной рождением в определенной семье, связи поколений (их последовательной зависимости друг от друга), но потери родственности в связи со временем, сменой ориентиров, смертью и др.

Созвучны словам Н.Ф. Федорова записи Ф.А. Абрамова: «Пелагея — сильная, жадная до жизни натура. Но она подавляет свою натуру. Она воспитана в духе исполнения долга. *Алька — это взрыв Пелагеиной натуры. В ней наконец-то удовлетворяется жажда жизни, которая подавлялась в цепи многих поколений Амосовых*. Да, Алька пока удовлетворяет те запросы, те желания человека, которые были подавлены в матери, бабке и прабабке» [Крутикова-Абрамова: 187].

В подготовительных записях к повести «Алька» Ф.А. Абрамов представлял диалог, который должен был случиться между Анисьей и Маней-большой:

> «— Да что же это такое? И остепениться бы пора.
> — Ха! — отвечает Маня-большая. — Она не только за себя гуляет. Она за матерь, за бабку гуляет. Те посидели на привязи, а Алька — нако, выкуси. — Ничего, остепенится когда-нибудь» [Крутикова-Абрамова: 187].

Писатель в духе идей Н.Ф. Федорова прорисовывал зависимость поколений друг от друга, большое влияние, заложенное старшими в младшие.

Пелагея, жаждавшая полной, благополучной жизни, но стесненная оковами тяжелого времени, положила себя на алтарь этого недостижимого счастья жизни. Алька, как и мать, желает жизни, но более простой, легкой, потому что элементарные потребности уже решены были поколениями родителей, а жить их реалиями, по их принципам Алька (как представитель молодого поколения) не хочет. Однако желание жить, способность бороться и отстаивать свои права на благополучную жизнь присущи обеим Амосовым. Н.Ф. Федоров признавал абсолютную ценность жизни и ненависть к смерти, героини Ф.А. Абрамова становятся носительницами такой же идеи.

Б.Д. Панкин, исследуя повести Ф.А. Абрамова, высказал мнение, что «"Пелагея" и "Алька" — это элегия о великих и прекрасных, но понапрасну растраченных человеческих силах»[12]. Думается, что с этим мнением можно не согласиться, поскольку жизнь одной из героинь — Пелагеи — не была напрасной, а жизнь Альки — еще впереди. Муж Пелагеи в первые послевоенные годы работал в колхозе бесплатно за трудодни, поэтому Пелагея даже в мирное время была вынуждена брать большую часть работы на себя, чтобы прокормить семью, вырастить дочь. «Человеческие силы» Пелагеи не были растрачены попусту: семью она хранила и оберегала, заботилась о муже и дочери. Героиня смогла преодолеть голод, послевоенную разруху, принеся в Дом достаток (именно благодаря ей Амосовы не

бедствовали).

Возвращаясь к идеям Н.Ф. Федорова о родственности, восстановлении памяти предков, их воскрешении, важно отметить, что память о Пелагее оказалась сильнее времени и родственного разрыва с дочерью, потому что закрепилась в названии межи, по которой она 20 лет ходила, — Паладьиной. В разговоре с Христофоровной Алька спрашивает, откуда у приезжих студентов такой интерес к Паладьиной меже, на что та отвечает:

> «— А вот интересуются. Как да за что такая почесть. Очень им это удивительно, что межу к нынешнему человеку привязали. *Это*, говорят, бабушка, все равно что *памятник*. *Памятники, вишь, в городах большим людям ставят*. Каменные» (Абрамов, 128).

Так жители деревни, не осознавая, воздвигли Пелагее настоящий вневременной памятник, который «…так будут называть долго, даже тогда, когда уж ее, Альки, не будет на свете...» (Абрамов, 129).

Значит, «человеческие силы» Пелагеи не были попросту растрачены, они сохранились в памяти жителей деревни. Опираясь на мысли Н.Ф. Федорова, можно сказать, что первый тип патрофикации, т. е. воскрешения, Пелагеей был преодолен, поскольку в коллективной памяти она навсегда запечатлена как великая труженица.

Подводя итоги исследования, отметим, что через разрыв родственности Абрамов показывает вечный конфликт «отцов и детей», а также выходящий из него конфликт-противостояние города и деревни.

Писатель своеобразно изображает конфликт поколений — из него исключен отец, а на первый план повествования выходят судьбы матери и дочери, двух сильных женских личностей. Подобным образом конфликт был показан М. Горьким в повести «Мать»: «Выведя из спора отца, носителя изжившего себя прошлого, писатель предоставил возможность сыну утвердить свою, новую, правду, суть которой заключалась в борьбе за лучшее будущее для всего человечества» [Егорова: 229]. Однако у М. Горького мать становится главным помощником и соратником сына, приняв идеи и мысли нового поколения, как свои. Героини Ф.А. Абрамова противопоставлены друг другу по видению жизни, но вместе с тем связаны жаждой жизни. Таким образом, показывая внешний разрыв родственности между матерью и дочерью, писатель констатирует, что каждая из них есть плоть от плоти своих родителей.

Интересно у Ф.А. Абрамова то, как переплетаются в повестях идеи Н.Ф. Федорова и конфликт поколений, напрямую связанный с противостоянием города и деревни. Молодежь 1960-х гг., к которой принадлежала Алька, бежит из деревни в город за лучшей жизнью (но находит ли ее?), а в деревне остаются лишь старики. Однако Абрамов оставляет надежду на восстановление деревни: создается молодая семья Лиды и Мити — одноклассников Альки.

Ф.А. Абрамов показал в своем произведении через живые женские образы вечные проблемы, которые были и остаются актуальными. Обращение к философии Н.Ф. Федорова, дневниковым записям писателя показало, что героини «повести о матери и дочери» неразрывно связаны узами родственности, однако на становление каждой из них неизгладимый отпечаток наложила эпоха.

Примечания

[1] *Панкин Б.Д.* Та самая эпоха. Москва: Собрание, 2008. С. 51.

[2] *Золотусский И.П.* Федор Абрамов: Личность. Книги. Судьба. Москва: Советская Россия, 1986. С. 120-134.

[3] *Оклянский Ю.М.* Шумное захолустье: В 2 кн. Кн. 2: Веркольский народник (К портрету последнего из могикан); Частная жизнь и тайнопись Леонида Леонова; Лето в Комарове (Исповедь «прогрессиста»). Москва: ТЕРРА, 1997. С. 126-134.

[4] *Трушин О.Д.* Фёдор Абрамов: Раненое сердце. Москва: Молодая гвардия, 2021. С. 206-214, 228-244.

[5] Напр.: *Можаев Б.А.* Запах мяты и хлеб насущный: Эссе, полемические заметки. Москва: Московский рабочий, 1982. С. 345-351.

[6] Напр.: *Рощин Б.А.* Встречи: Повесть, рассказы, очерки. Ленинград: Лениздат, 1985. С. 317-320.

[7] *Панкин Б.Д.* Та самая эпоха. С. 52.

[8] *Рощин Б.А.* Встречи: Повесть. Рассказы. Очерки. С. 317.

[9] *Федоров Н.Ф.* Философия общего дела. Москва: Эксмо, 2008. 750 с. При цитировании из данного источника страницы будут приводиться в круглых скобках, например, (Федоров, 25).

[10] *Абрамов Ф.А.* Собрание сочинений: В 3-х т. Ленинград: Художественная литература, 1980–1982. Т. 3: Повести. Рассказы. Трава-мурава. Литературные портреты, статьи, выступления. 704 с. При цитировании из данного источника страницы будут приводиться в круглых скобках, например, (Абрамов, 90).

[11] *Абрамов Ф.А.* Так что же нам делать? (Из дневников, записных книжек, писем. Размышления, сомнения, предостережения, итоги) / Сост. Л.В. Крутикова-Абрамова. Санкт-Петербург: Нева, 1995. С. 23.

[12] *Панкин Б.Д.* В союзе со временем // Строгая литература. Москва: Советский писатель, 1982. С. 117.

Список литературы

Антопольский Л. Рецензия на повесть «Алька» Ф. Абрамова. Пути и поиски // Новый мир. 1973. № 7. С. 247–257.

Дедков И. Межа Пелагеи Амосовой // Новый мир. 1972. № 9. С. 275-279.

Егорова Ю.М. Конфликт отца и сына в повести М. Горького «Мать» // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 1. С. 229-249.

Крутикова-Абрамова Л.В. Жива Россия. Федор Абрамов: его книги, прозрения и предостережения. Санкт-Петербург: Атон, 2003. 416 с.

Переведенцев В. Феномен Альки Амосовой // Земля Федора Абрамова. Москва: Современник, 1986. С. 52-69.

Пономарева М.Г. Характер психологизма в повести Ф. Абрамова «Алька» // Взаимодействие вуза и школы в преподавании отечественной литературы: Художественный текст как предмет изучения в школе и вузе: Мат-лы V всеросс. научно-практ. конф. (Ярославль, 26 марта 2012 г.). Ярославль: ЯрГПУ им. К.Д. Ушинского, 2013. С. 50-64.

Розова А.Е. «Философия общего дела» Н.Ф. Фёдорова и русская литература. Петрозаводск: ПетрГУ, 2019. 37 с.

Рубашкин А. В мире героев Федора Абрамова // Земля Федора Абрамова. Москва: Современник, 1986. С. 186-205.

Чэнь Синьюй. Женские образы в прозе Ф.А. Абрамова: дис… канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2010. 198 с.

Margarita I. KHAREVA
bachelor's degree, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia),
margarita.khareva@yandex.ru

«A TALE OF MOTHER AND DAUGHTER» BY FYODOR ABRAMOV IN THE CONTEXT OF PHILOSOPHICAL IDEAS OF NIKOLAI FYODOROV

Scientific adviser:
Ekaterina K. Agapitova
Reviewer:
Irina N. Diachkova
Paper submitted on: 05/29/2025;
Accepted on: 06/29/2025;
Published online on: 06/29/2025.

Abstract. Many critics have analyzed the images of the main heroines in Fyodor Abramov's novels Pelageya and Alka, yet their interpretations are similar in many respects. A new reading opens up when we turn to the philosophical ideas of Nikolai Fyodorov, alongside with Abramov's diary entries and preparatory notes for his novels. The author created the characters of Pelageya and Alka in the spirit of Fyodorov's ideas, endowing them with strong personalities, passion for life, and unwavering resistance to death. The study denostrates that through these vibrant female characters Abramov in his own way interpreted eternal problems such as the conflict of generations and the confrontation between town and countryside.
Keywords: Fyodor Abramov, Nikolai Fyodorov, kinship, patrophication, Pelageya, Alka

For citation: Khareva, M. I. «A Tale of Mother and Daughter» by Fyodor Abramov in the Context of Philosophical Ideas of Nikolai Fyodorov. StudArctic Forum. 2025, 10 (2): 100–106.

References

Antopolsky L. Review of book *Alka* by F. Abramov. Paths and searches. *Novy Mir*, 1973, No. 7, pp. 247-257. (In Russ.)

Dedkov I. Pelageya Amosova's boundary. *Novy Mir*, 1972, No. 9, pp. 275-279. (In Russ.)

Egorova Yu.M. The father-son conflict in the short novel (povest') "The Mother" by Maxim Gorky. *The Problems of Historical Poetics*, 2024, Vol. 22, No. 1, pp. 229-249. (In Russ.)

Krutikova-Abramova L.V. *Viva Russia. Fyodor Abramov: his books, insights, and warnings*. St. Petersburg, Aton, 2003, 416 p. (In Russ.)

Perevedentsev V. The phenomenon of Alka Amosova. *Fyodor Abramov's land.* Moscow, Sovremennik, 1986, pp. 52-69. (In Russ.)

Ponomareva M.G. The nature of psychologism in Fyodor Abramov's short novel Alka. *Interaction between university and school in teaching Russian literature: Fiction as a subject of study at school and university*: Proceedings of the V all-Russian research and practical conference (Yaroslavl, March 26, 2012). Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, 2013, pp. 50-64. (In Russ.)

Rozova A.E. *The «philosophy of the common cause» by Nikolai Fyodorov and Russian literature.* Petrozavodsk, Petrozavodsk State University, 2019, 37 p. (In Russ.)

Rubashkin A. In the world of Fyodor Abramov's heroes. *Fyodor Abramov's land*, Moscow, Sovremennik, 1986, pp. 186-205. (In Russ.)

Chen Xinyu. *Women's images in the prose of Fyodor Abramov.* Candidate's thesis (Philology). St. Petersburg, 2010, 198 p. (In Russ.)